

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ВАНЧУГОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНОСТЕЙ

ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Владимиру Петровичу Ванчугову за его недолгую жизнь удалось многое сделать в изучении позднего бронзового века Северного Причерноморья. Выпускник Ужгородского госуниверситета, он прошел школу известного специалиста по бронзовому веку Закарпатья Э.А. Балагури. Позднее Владимир Петрович вспоминал, что его, молодого исследователя, проблемами финальной бронзы Северо-Западного Причерноморья увлек А.И. Тереножкин. Именно этой теме В.П. Ванчугов уделил основное внимание.

В самом начале археологической карьеры, работая на кафедре истории древнего мира и средних веков Одесского госуниверситета им. И.И. Мечникова, В.П. Ванчугов принял активное участие в университетских археологических разведках и опубликовал полученные материалы эпохи поздней бронзы (Ванчугов 1976; 1978а; 1978б; 1983; Ванчугов, Кушнир 1980).

Перейдя на работу в Одесский археологический музей АН УССР, В.П. Ванчугов приступил к самостоятельным раскопкам. В 1976-1977 гг. он исследовал поселение эпохи поздней бронзы Балта у с. Белино, Балтского р-на Одесской области. Археолога сразу ждал успех: после этих раскопок была выделена новая группа памятников — балтская (Ванчугов 1978а; 1981б: 82; 1983). В.П. Ванчугов предварительно датировал ее постбелозерским временем — X – IX вв. до н.э. (1978а: 48), позже стал считать отдельной группой белозерской ступени сабадиновской культуры (1981б: 82) или группой белозерского времени (Ванчугов, Черняков 1984: 7). И, наконец, — локальным вариантом культуры белозерского времени (Ванчугов 1983: 98) или же белозерской культуры (Ванчугов 1987а: 14; 1987в: 127; 1989; 1990а:

114, 135-138, 151 и др.). В последнее время балтская группа памятников вызывает оживленный интерес у исследователей. Некоторые включают ее в восточно-карпатский вариант Балкано-Дунайского раннегалльштатского горизонта с прочерченной керамикой (см., напр.: Levički 1994: 232, 238, 239). С.М. Агульников пишет о позднебронзовых образованиях с раннегалльштатскими чертами типа Бабадаг, Тэмеоань — Холеркань — Ханска — культура Белозерка — Балта (Агульников 2004а: 7). Я.П. Гершкович высказал мнение о более непосредственной связи балтской группы скорее с белогрудовско-чернолесским кругом памятников, нежели с синхронным степным (Гершкович 1998: 75). Как бы там ни было, любая интерпретация не умаляет значимости открытия. Главными особенностями памятников балтской группы являются наличие глинобитных (наземных, каркасно-столбовой конструкции, по мнению В.П. Ванчугова) жилищ, преобладание мисок с загнутым внутрь краем, большое количество черпаков с высокой ленточной ручкой и керамики с характерным прочерченным, резным орнаментом (см., напр.: Ванчугов 1989: 27; он же 1990а: 151). Кроме того, при раскопках поселения Балта получена коллекция позднесабадиновской керамики, исследован очаг того же времени.

В 1978 г. полевые исследования В.П. Ванчугова переместились в Буджакскую степь. Здесь, у с. Зализничное Болградского р-на Одесской обл., он в течение двух сезонов проводил раскопки поселения белозерско-тудоровского типа Ялпуг IV. В Северо-Западном Причерноморье такие памятники прежде были малоизученными. И снова успех. До этого времени на поселениях финального бронзового века в степной зоне Северо-За-

падного Причерноморья были известны лишь углубленные постройки, сооруженные без применения каменных кладок, что создавало впечатление «перелома в развитии поселений» — смены каменного домостроительства сабадиновского времени на земляночный тип белозерско-тудоровского этапа (Черняков 1975: 12). А на поселении Ялпуг IV, кроме построенной без применения камня полуземлянки, которую В.П. Ванчугов считал самым поздним из исследованных на памятнике помещений, выявлены и жилища на каменных основаниях. Эти последние постройки, по мнению автора раскопок, наземные. Полученные результаты позволили сделать вывод о сохранении традиций каменного домостроительства у местных племен до конца II тыс. до н.э. (Ванчугов 1981а: 101). Интересным оказался и вещевой комплекс поселения.

Материалы раскопок оперативно публиковались (Ванчугов 1977; 1978а, в; 1979а,б; 1981а-в; 1983). Причем, уже в публикациях материалов содержатся немаловажные обобщения и выводы. Были проведены параллели между глинобитными жилищами Балтского и Сабадиновского поселений, сделаны выводы о генетической связи комплекса Балтского поселения (особенно кухонной посуды) с памятниками сабадиновской культуры. Заслуживает внимания заключение о близости кухонной и (в меньшей степени) столовой керамики, найденной в Балте и на белозерских памятниках в целом. В комплексе балтской столовой посуды было отмечено более существенное, чем в степной белозерской, влияние культур раннего фракийского галльштата. Указывалось и на некоторое сходство мисок с загнутым внутрь краем Балтского поселения с соответствующими типами керамики культуры Ноуа (Ванчугов 1981б: 79-82).

После тезисно опубликованных докладов (Ванчугов 1978а; 1979а) вышли в свет первые обобщающие статьи. Отдельную публикацию В.П. Ванчугов посвятил белозерским корчагам, не имевшим прототипов среди сабадиновской

керамики (1982). Позднее специальные работы посвящались и другим конкретным сторонам материальной культуры эпохи поздней бронзы: металлическим наконечникам стрел (Черняков, Ванчугов, Кушнир 1986; Ванчугов, Черняков 1991), керамике с прочерченным орнаментом (Ванчугов 1993а), каменным изделиям (Ванчугов, Петрунь 1997), фибулам (Ванчугов 2004а,б; 2007), домостроительству (Ванчугов, Раллев 1999а,б; 2000; 2005; Ванчугов, Тошев, Черняков 1985). В одной из статей обобщены материалы балтской группы памятников (Ванчугов 1983).

В 1984 г. совместно с И.Т. Черняковым опубликована программная статья, посвященная культурам Северо-Западного Причерноморья рубежа бронзового и железного веков (Ванчугов, Черняков 1984). Впервые было убедительно обосновано выделение самостоятельной белозерской культуры (Ванчугов, Черняков 1984: 16-17), о чем ранее в литературе в лучшем случае упоминалось вскользь (Шарафутдинова 1980: 75; 1981; Черденченко 1979: 7; Березанская 1982: 207). Традиционно же белозерские древности связывались с этапом срубной, а позднее (некоторыми исследователями) — сабадиновской культуры (см. об этом, напр.: Ванчугов, Черняков 1984: 6-7). Новая интерпретация не вызвала заметных возражений среди исследователей, а, наоборот, очень скоро стала фигурировать, в частности, в обобщающих изданиях Института археологии АН УССР (Отрощенко 1985; Березанская и др. 1986: 4, 117-152, 154). Основываясь на хронологии, разработанной А.И. Тереножкиным, В.П. Ванчугов и И.Т. Черняков датировали белозерскую культуру концом XII – IX вв. до н.э. (Ванчугов, Черняков 1984: 14, 15, 17). На основе обстоятельного анализа материальной и духовной культуры авторы статьи настоятельно подчеркивали большую роль фракийского компонента в белозерской и последующей культурах Северного Причерноморья. Исследователи возражали против утверждений, связывавших с влиянием белогрудовской и ран-

нечернолесской культур распространение на степных белозерских памятниках комплекса лощеной керамики, на самом деле сформировавшегося на местной, сабаатиновской, основе при активном участии раннефракийских влияний (Ванчугов, Черняков 1984: 14-17). В.П. Ванчугов присоединился к ранее имевшей место позиции И.Т. Чернякова о генетической связи киммерийцев с сабаатиновской и белозерской культурами (при несомненной роли восточных влияний и даже миграций). При этом, в частности, учитывалось усматривавшееся исследователями сходство форм и орнаментации белозерской и «так называемой позднекиммерийской» керамики (там же: 20-21). С этой концепцией В.П. Ванчугов и И.Т. Черняков увязали и резкое уменьшение в белозерский период, по сравнению с сабаатиновским этапом, количества поселений, полностью отсутствовавших позднее у киммерийцев, и «появление недолговременных жилищ, землянок и полуземлянок» (прототипы которых, впрочем, исследователи видели в сабаатиновских углубленных каменных помещениях междуречья Южного Буга и Днестра) (там же: 9, 15). Это позволило авторам думать не только об усилении миграций и упадке земледельческого уклада, переживавшего расцвет в сабаатиновское время, но и о «начале господства скотоводческо-кочевнического способа производства» еще в белозерское время (там же: 15), после которого последний полностью возобладал. Правда, упомянутая концепция не нашла поддержки у большинства исследователей (критику см., напр.: Алексеев, Качалова, Тохтасьев 1993: 68-91). Так же как уже давно некоторые исследователи отрицали возможность формирования кочевого скотоводства в разнотравных степях Северного Причерноморья в конце бронзового века (см., напр.: Шарафутдинова 1980: 75). Но наука тем и интересна, что она не предполагает полного единодушия, незыблемости. Автор этих строк долго находился под влиянием этой небезынской концепции И.Т. Чернякова и В.П. Ванчуго-

ва и даже в свое время пытался развить положение о постепенной эволюции скотоводства в Северо-Западном Причерноморье в эпоху поздней бронзы — раннего железа (Черниенко 1989: 111). Впоследствии сам В.П. Ванчугов с присущим ему творческим поиском несколько отступил от упомянутого воззрения на происхождение киммерийцев (см. ниже).

В 1987 г. вышла обобщающая статья, посвященная уже конкретно белозерским памятникам Северо-Западного Причерноморья (Ванчугов 1987в). Продолжая придерживаться хронологической схемы А.И. Тереножкина, исследователь уточнил датировку tudоровских памятников — конец XII — X вв. до н.э. При этом В.П. Ванчугов принял во внимание тот факт, что фибулы типа Пескьера были, в частности, найдены на раннебелозерском могильнике Струмок и в слое культуры Ноуа на поселении Ратешу Кузей. В то же время, наиболее ранний черногоровский могильник — Суворово датируется IX — началом VIII в. до н.э. (Ванчугов 1987в: 125-126). В этой же работе был развит намеченный ранее (Ванчугов, Тошев, Черняков 1985: 26) вывод о постепенном процессе перехода от сабаатиновских наземных каменных построек к белозерским углубленным однокамерным жилищам, построенным без применения камня. Это обстоятельство, наряду с уменьшением количества и размеров поселений и площадей жилищ в конце бронзового века, опять-таки связывалось с начавшимся переходом от оседлого земледельческо-скотоводческого способа ведения хозяйства к скотоводческо-кочевническому (Ванчугов 1987в: 119). Были детализированы вопросы преемственности и изменений керамики эпохи поздней бронзы в Северо-Западном Причерноморье (Ванчугов 1987в: 126-127). Так, на основе сравнительного анализа белозерской керамики Северо-Западного Причерноморья и Поднепровья между собой и с посудой раннего фракийского гальштата сделан принципиально важный вывод о том, что памятники tudоровского типа, «вероятно,

служили проводником фракийских влияний далее на восток и сыграли тем самым решающую роль в сложении материального комплекса белозерской культуры в Северном Причерноморье» (Ванчугов 1987в: 123-129). В.П. Ванчугов привел некоторые параллели между комплексами и антропологическими типами населения культур Белозерка и Ноуа, свидетельствующие, по его мнению, о значительном влиянии на сложение белозерских памятников культуры Ноуа. Часть носителей последней, возможно, была вытеснена ранними фракийцами на территорию позднесабаатиновских племен, родственных населению культуры Ноуа (там же: 128).

1987 г. вообще был плодотворным в научной карьере В.П. Ванчугова. В этом году им была успешно защищена кандидатская диссертация на тему «Заключительный период бронзового века в Северо-Западном Причерноморье /белозерская культура/» (научный руководитель — профессор П.О. Карышковский). Диссертационное исследование легло в основу монографии (Ванчугов 1990а). Здесь обстоятельно обобщены белозерские памятники упомянутого региона, как поселенческие, так и погребальные (Ванчугов 1990а: 15-58). Рассмотрены вопросы социальной дифференциации белозерско-tudоровских погребений (там же: 56-58; также см.: Ванчугов 1996; 1997). На высоком уровне классифицированы предметы материальной культуры (Ванчугов 1990а: 59-103). Особенно впечатляет типология керамики. Специалист без труда может представить себе сосуд даже при отсутствии иллюстрации, если назван вид керамики и номер типа по В.П. Ванчугову. Квалифицированно охарактеризована и хозяйственная деятельность населения белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья (Ванчугов 1990а: 103-109). Сохранено мнение о «переходном характере белозерской экономики от оседлого земледельческо-скотоводческого уклада», пришедшего в упадок, «к кочевому, скотоводческому и связанном с ним повышением мобильнос-

ти оседлого населения», что хронологически совпало с переходом от бронзового века к железному. Предпринята попытка рассмотреть это на фоне во многом, как полагал В.П. Ванчугов, сходных кризисных явлений конца эпохи бронзы на всем юге европейского континента, где позднее, на рубеже X и IX вв. до н.э., уже непосредственно происходит становление кочевничества. То же касается и Северного Причерноморья, где прослеживается «глубокая генетическая преемственность памятников позднейшего предкифского периода, относимых к историческим киммерийцам, с белозерской культурой». Исследователь, тем не менее, утверждал, «что на заключительном этапе бронзового века сохраняется оседлый земледельческо-скотоводческий уклад хозяйства, характерный для населения Северного Причерноморья в предшествующий период» (Ванчугов 1990а: 104, 109, 126-127, 139-141 и др.). На основании, в частности, остеологического материала был сделан вывод: «Белозерское население Северо-Западного Причерноморья, вероятно, применяло так называемое отгонное скотоводство, которое часто практикуется при сочетании с земледелием. При этом используются преимущественно близкие к поселению пастбища». И, далее: «Большая роль лошади в животноводстве у населения Северо-Западного Причерноморья, применявшейся в пищу, для верховой езды и в качестве тягловой силы, наряду с другими факторами, вероятно, создавала дополнительные предпосылки для перехода к полукочевому и кочевому скотоводству...» (там же: 104-106).

Отдельным аспектом в монографии был хронологический. По находкам проволочных фибул и других датирующих предметов в белозерских погребениях абсолютная хронология культуры в Северо-Западном Причерноморье устанавливается в пределах XII — X вв. до н.э. (нижняя граница несколько изменена по сравнению с таковой в более ранних работах, учитывая, в особенности, заключительный период бытования фибул типа Пескьера — XII

— первая половина XI в. до н.э.) (Ванчугов 1990а: 110-114). Балтская же группа памятников на основании аналогий керамическому комплексу датирована XI – X вв. до н.э. (Ванчугов 1990а: 114-117, 119). Белозерская культура Северо-Западного Причерноморья подразделена на два этапа. Раннебелозерский датируется заключительным периодом бытования фибул типа Пескьера и на основании синхронизации с ранними горизонтами культуры полей погребальных урн XII – первой половиной XI в. до н.э. Кроме того, этот этап характеризуется следами влияний культуры Ноуа, наличием валиковой орнаментации, баночных сосудов с почти прямыми стенками, а также долей лощеной посуды на поселениях — от 10 до 20% керамики (Ванчугов 1990а: 117-119, 122). Позднебелозерский этап датируется второй половиной XI – X вв. до н.э. на основании:

- хронологической позиции Суворовского могильника периода, по мнению В.П. Ванчугова, переходного от заключительного этапа бронзового века к раннему железному;

- синхронизации золотого пластинчатого перстня с пуансонным орнаментом из Кочковатовского белозерского могильника с близкими бронзовыми пластинчатыми кольцами из Ахкинчу-Барзойского могильника на Северном Кавказе;

- радиоуглеродной даты п.1 к.32 Кочковатовского могильника (930 г. до н.э. ± 45 лет);

- аналогий позднебелозерской керамики с посудой второго этапа культуры полей погребальных урн Венгрии и первой фазы культуры Бабадаг;

- синхронизации ножей с параллельными лезвиями, костяных псалиев и стеклянных бус белозерских памятников с аналогичными предметами на памятниках Кишиневской группы фракийского гальштата;

- практического отсутствия в тудоровской керамике штампованного орнамента, характерного для фазы Бабадаг II.

Позднебелозерский этап характери-

зуется единичностью баночных прямостенных сосудов, преобладанием горшков с профилированным корпусом, отсутствием валиковой орнаментации кухонной керамики, лощеной посудой в количестве 20-25% керамики (на поселениях), появлением на отдельных поселениях кубков с резным геометрическим орнаментом, а в могильниках — первых изделий из железа (Ванчугов 1990а: 119-122). Впрочем, впоследствии исследователями были предложены несколько иные схемы периодизации белозерской культуры (Отрощенко 2001: 180; Агульников 2005: 85-89). В.П. Ванчугов представлялось «очевидным, что период сложения белозерской культуры хронологически не совпадал со сменой культур поздней бронзы в Карпато-Подунавье новыми культурами раннего фракийского гальштата, а начался несколько раньше, где-то на рубеже XIII и XII вв. до н.э.», судя по наиболее ранним белозерским комплексам, например, погребению 6 в кургане у с. Владимировка Херсонской обл. (Ванчугов 1990а: 124-125). Исследователь счел возможным говорить о смене традиций, о примитивизации домостроительства в степи в белозерское время, чего не произошло у жителей поселений балтской группы, строивших каркасно-глинобитные жилища, характерные для лесостепной зоны сабастиновского времени (Ванчугов 1990а: 126, 139 и др.). Он рассматривал изменения в домостроительстве в Северо-Западном Причерноморье в конце эпохи бронзы на фоне соответствующих процессов, происходивших западнее (там же: 126-127). На немаловажный в этом контексте факт наличия углубленных помещений, построенных без применения камня, на некоторых поселениях культуры Ноуа обращалось внимание и ранее (Ванчугов, Тощев, Черняков 1985: 26). «Принимая во внимание широкое распространение ... земляночных жилищ у раннефракийского населения соседнего Карпато-Дунайского района, можно допустить, что племена белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья были, по меньшей мере,

чрезвычайно близки ему по уровню хозяйственной организации, социальной культуре и этнокультурным традициям» (Ванчугов 1990а: 127).

В рассматриваемой монографии была обстоятельно развита тема сложения белозерской культуры (Ванчугов 1990а: 123-134; также см.: Vanchugov 1994). Весьма принципиальна подробная аргументация предположения о том, что в формировании белозерской культуры значительную роль сыграла какая-то часть населения культуры Ноуа, переселившаяся на территорию сабастиновских племен. Именно этим влиянием объясняется южная ориентировка большинства белозерских погребений, появление бескурганых могильников в Северо-Западном Причерноморье, сходство некоторых элементов керамики и определенная антропологическая близость носителей культур белозерской и Ноуа (Ванчугов 1990а: 129-131). Позднее эта тема будет развита в работах О.Г. Левицкого (напр., см.: Левицкий 2002: 186, 200), С.М. Агульникова (2004а; 2004б: 50-51). Замечены прямые аналогии некоторым типам белозерской посуды в керамике поздней фазы культуры Кослоджень – Радовану, другим — в посуде культуры полей погребальных урн, близость высоких горшков тюльпановидной формы поселения Балта и белогрудовской культуры (Ванчугов 1990а: 131-133).

Говоря о внешних связях носителей белозерской культуры (Ванчугов 1990а: 123-135; также см.: Ванчугов 1979а; 1987б; 1992; 1993а), В.П. Ванчугов отмечал следующее. На раннебелозерском этапе характер и направление связей населения Северо-Западного Причерноморья остаются традиционными (преимущественно западные внешние связи), причем «принципиально новым ... было появление среднеевропейских элементов, характерных для раннего этапа культуры полей погребальных урн» (Ванчугов 1990а: 133-134). В позднебелозерский период активизировались связи Северо-Западного Причерноморья с Кавказским регионом, но определяющими остаются контакты с

западными соседями, тогда как у белозерского населения восточных регионов заметно усилились связи с Волго-Уралем. Возрастает роль далеких западных связей носителей белозерской культуры, возможно, осуществлявшихся в форме походов в Балкано-Дунайский регион и Центральную Европу (Ванчугов 1990а: 134-135). Охарактеризованы два локальных варианта белозерской культуры в Северо-Западном Причерноморье: тудоровский и балтский; не исключалась возможность выделения других локальных вариантов в пограничных зонах ареала этой культуры (там же: 135-137): в лесостепном Поднепровье, Нижнем Подонье, горном Крыму и др. (Ванчугов 1989: 27). По мнению В.П. Ванчугова, благодаря большому удельному весу в формировании тудоровских памятников, по сравнению с более восточными степными белозерскими, элементов соседних западных культур, первые «придали неповторимое своеобразие тому культурно-историческому явлению, которое мы называем белозерской культурой Северного Причерноморья». А балтский вариант «по совокупности характерных черт ... в большей степени отличается от тудоровского, чем последний от нижнеднепровских памятников. Это, вероятно, вызвано различным удельным весом общих компонентов, принявших участие в сложении обоих вариантов, и разными природно-географическими зонами обитания населения, характером хозяйственной деятельности в условиях Лесостепи и Степи» (Ванчугов 1990а: 136, 137; 1989: 27). Белозерская культура, генетически связанная с сабастиновской, развивалась в совершенно ином культурном окружении, в другую историческую эпоху (Ванчугов 1990а: 138; 1987в: 129).

Главные итоги исследований по проблемам белозерской культуры были опубликованы и за рубежом (Vančugov 1994; Vančugov 1996).

В.П. Ванчугов обращался и к изучению сабастиновской культуры. В начале 1980-х гг. в составе Днестро-Дунайской экспедиции Института археологии АН

Владимир Петрович Ванчугов (третий справа) со студентами Одесского госуниверситета им. И.И. Мечникова на раскопках поселения Вороновка II. Август 1983 г.

УССР он участвовал в раскопках многослойного поселения Суворово I (Измаильский р-н Одесской обл.). В слое эпохи бронзы, датированном поздним этапом сабастиновской культуры (Черняков, Ванчугов, Кушнир 1986: 48, 51; Ванчугов 1990а: 92, 112; Ванчугов, Черняков 1991: 30), выявлены остатки каменной постройки, углубленного помещения, построенного без применения камня, и хозяйственная яма (Смиленко 1983). По сведениям В.Г. Кушнира, позднесабастиновскую полуземлянку перерезала белозерско-гудоровская (1994: 75, 79). Это еще один пример постепенности перехода от каменного домостроительства к земляночному типу жилья на большей части Северного Причерноморья в конце бронзового века и зависимости использования материала для строительства стен на степных поселениях не от расстояний до выходов строительного камня (или, во всяком случае, не только от этого). Ныне можно говорить лишь об устойчивой тенденции к примитивизации и к ограничению использования камня в белозерском домостроительстве, по сравнению с сабастиновским (Черниенко 1993). Показательные примеры разной степени использования камня при строительстве стен помещений дает белозерское поселение Дикий Сад (см., напр.: Горбенко 2000). Найденные на поселении Суворово I бронзовый втульчатый наконечник стрелы и форма для отливки, в частности, черешковых наконечников стрел, а в белозерском погребении Васильевского курганного могильника — втульчатый наконечник стрелы, благодаря синхронизации их с аналогичными типами, распространенными на соседних территориях, помогли, наряду с другими находками на близких по времени памятниках, уточнить хронологию белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья (Ванчугов 1990а: 112-113; Агульников 2005: 82).

В 1983-1984 гг. В.П. Ванчугов в составе новостроечной экспедиции «Южная» Одесского госуниверситета имени И.И. Мечникова принимал активное участие в раскопках позднесабастиновского по-

селения Вороновка II (Коминтерновский р-н Одесской обл.), на которое исследователь обратил внимание еще в ходе разведок (Ванчугов 1978б: 152-156). Памятник, исследованный на значительной площади, дал обширные и интереснейшие сведения о материальной культуре населения Северного Причерноморья в бронзовом веке, особенно о домостроительстве. Крайне необычной казалась тогда сплошная застройка больших участков поселения. После предварительного введения в научный оборот результатов исследований памятника (Ванчугов, Черняков 1984: 14; Ванчугов, Тощев, Черняков 1985: 26; Ванчугов 1987а: 7, 8, 12; 1987в: 116-119, 121, 123; 1990а: 7, 17-19, 21, 22, 28-32, 64, 105, 108, 117, 118, 126, 135; Загинало и др. 1989а,б) в 1991 г. вышла в свет коллективная монография, посвященная поселению Вороновка II (Ванчугов и др. 1991). Эта первая и пока, к сожалению, единственная монографическая публикация сабастиновского поселения явилась выдающимся событием в историографии бронзового века не только Северного Причерноморья. Обстоятельно охарактеризованы топография, сложная архитектура поселения, предметы материальной культуры, а также зольник. Выделены 3 этапа территориально-хронологического развития поселения. На первом наземные (по мнению авторов) одиночные помещения строятся в восточной и, возможно, в западной части поселения, сооружаются зольники. На втором полностью (в виде сплошных архитектурных блоков) застраивается западная часть поселка при перестройке более раннего помещения 4, продолжают функционировать восточная часть поселения и зольники. На третьем (раннебелозерском) этапе функционирует только западная часть поселения (Ванчугов и др. 1991: 53). Принципиально важно, что, по мнению авторов, некоторые материалы поселения Вороновка II «убедительно свидетельствуют о кристаллизации раннебелозерского комплекса в глубине позднего бронзового века еще накануне кардинальных перемен в юго-вос-

точной Европе» (там же: 62). Интересным представляется использование термина «позднесабатиновское – раннебелозерское время», когда, в частности, появляются связанные с западными влияниями горшки с резко отогнутыми, воротничкообразными венчиками (там же: 61), фрагменты которых найдены и на этом поселении (там же: 36; 37, рис. 16, 1, 4-7, 11-12). Думается, что это особый хронологический горизонт в Северном Причерноморье. В керамических комплексах, в основном позднесабатиновских, ряда поселений, в т.ч. Вороновка II, присутствуют единичные признаки, характеризующие впоследствии специфику белозерской культуры (см., напр.: Ванчугов 1990а: 64, рис. 21, 12-15). С.М. Агульников употребляет понятие «позднесабатиновский – раннебелозерский период» как синоним «раннебелозерского» по своей трехступенчатой периодизации белозерской культуры или «переходного периода от сабатиновской к белозерской культуре», выделяя соответствующие поселения и погребальные памятники (Агульников 2005: 84-86, 89; 78, табл. I/1-2; 2002). Уместно вспомнить попытку А.М. Лескова выделить хронологический период, переходный от сабатиновского этапа к белозерскому, на основе изучения литейных форм и бронзовых изделий северопричерноморского очага металлообработки и керамического комплекса Кировского поселения (Лесков 1967: 150-152; он же 1970: 58-59). Полагаю, что позднесабатиновско-раннебелозерский горизонт не стоит путать ни с раннебелозерским временем по периодизации В.П. Ванчугова (см. выше), ни с позднесабатиновским (или Сабатиновка-III) этапом по периодизации И.Т. Чернякова (см., напр.: Черняков 1985: 36-39, 46, 69-73, 124, 147, 151), используемой и другими исследователями. Последний из упомянутых периодов характеризуется не столько наличием «выразительных черт белозерской культуры» (Отрошенко 2001: 174-175), сколько большей, по сравнению с более ранними сабатиновскими памятниками, степенью сходства с этой куль-

турой. Ряд совместных работ В.П. Ванчугова и А.Б. Раллева посвящен проблемам научно-графической реконструкции поселения Вороновка II (1999а,б; 2000; 2005).

В.П. Ванчугов не обошел стороной сложнейшую проблему погребального обряда сабатиновской культуры (1999б; 2000). Правда, он рассматривал в основном инвентарные захоронения, как более надежные в плане культурно-хронологической атрибуции. В подборке обращает на себя внимание возросшее за 1980-е гг. количество основных сабатиновских погребений (Ванчугов 2000: 41-46). Следуя установленной исследователями обратной корреляции между наличием металлических кладов и богатых погребений в археологических культурах, В.П. Ванчугов считал, что социальная дифференциация сабатиновского общества выражена не в погребальном обряде, а, учитывая состав бронзовых кладов, в производственных и оружейных комплексах (2000: 50-51). Исследователь видел рационализм сабатиновского общества в материальном производстве, во взаимодействиях этого общества с окружающей природно-географической средой, в отношении к заупокойному культу, учитывая разительное несоответствие многочисленных ярких поселенческих комплексов и скромного, унифицированного погребального обряда; сугубо рациональный характер носило и изобразительное искусство (там же: 51-55). «Хотя этот вывод ни в коей мере не должен влиять на общую оценку экономического, технического и интеллектуального уровня населения эпохи поздней бронзы, оставившего нам памятники сабатиновской культуры» (там же: 55).

В небольших работах В.П. Ванчугов рассматривал и культурно-исторический процесс в позднебронзовом веке в целом на территории степной Украины (Ванчугов 1994), а также в Приднестровье (Ванчугов 1995: 17-18). В племенах эпохи поздней бронзы Степной Украины и соседних территорий (комплекс Сабатиновка – Кослоджень – Ноуа) В.П. Ванчугов усматривал варварскую периферию

позднемикенской культурной общности, которая принимала активное участие в крупнейших исторических событиях Юго-Восточной Европы в конце бронзового века (Ванчугов 1994: 168). Историческую судьбу сабатиновского населения исследователь видел в вынужденном переселении части первого на юг Балкан и в Малую Азию. Лишь остатки населения в Северном Причерноморье стали основой для формирования последующей белозерской культуры (или даже культурной общности) с ее кризисными явлениями и многократно уменьшившимся количеством поселений (Ванчугов 1994: 168). Специфическая проблема, поставленная В.П. Ванчуговым (1990б), — роль днестровской речной магистрали в межплеменном обмене в эпоху бронзы. «Особое значение днестровский речной путь, вероятно, имел в эпоху поздней бронзы, когда функционирование мощного ингуло-красномяцкого очага металлообработки, всецело зависело от бесперебойной доставки сырья, в основном, из Карпато-Трансильванских металлургических центров». По мнению исследователя, контакты населения степей Северо-Западного Причерноморья с нижнедунайскими и центрально-европейскими областями, очень важные на этапе сложения белозерской культуры, «также могли осуществляться посредством днестровской речной магистрали» (Ванчугов 1990б: 20).

В.П. Ванчугов не оставался равнодушным к открытиям своих коллег, участвуя в полевых исследованиях, в подготовке научных отчетов, в публикациях материалов позднего бронзового века (Ванчугов, Суботин 1980; 1989; 1993; Ванчугов, Суботин, Дзиговский 1992: 12, 13, 23-25, 28-48, 52, 54-60, 67-79; 82-83; Ванчугов, Тошев, Черняков 1985; Vančugov, Subotin 2000; Дзиговський та ін. 2003: 13-18, 23-30, 36, 39-41, 63-101) или самостоятельно публикуя последние (Ванчугов 1990а: 24-26, 42-49; 2000: 41-46; 2001). Так, переломным моментом в исследованиях Дунай-Днестровской новостроечной экспедицией Института археологии АН Украины

поселения Струмок III в 1993 г. стало обнаружение В.П. Ванчуговым заполнения полуземлянки, частично разрушенной при дренажных работах, которая отнесена к белозерской культуре.

В.П. Ванчугов вспоминал, что его научный руководитель — П.О. Карышковский — не советовал ученику включать в диссертацию и в монографию киммерийскую проблему, т.к. в связи с медленным пополнением источниковой базы трудно внести что-либо существенно новое в разрешение этой проблематики. Тем не менее, В.П. Ванчугов так или иначе касался последней и даже посвятил киммерийцам ряд специальных работ. Отраженные в письменных источниках события, в которых принимал участие этот народ, происходили уже в железном веке. Но с эпохой поздней бронзы в данном случае связан аспект судьбы белозерской культуры. В ряде работ В.П. Ванчугов несколько отступил от позиции, занимавшейся им в других публикациях. Исследователь пришел к заслуживающему внимание мнению о том, что белозерский компонент не был доминирующим в формировании черноротовской группы памятников, хотя и имел место, о чем говорит южная ориентировка и керамика в некоторых погребениях этой группы. «Основные элементы погребального обряда и инвентаря свидетельствуют о проникновении в Северо-Западное Причерноморье носителей новой культуры, называемой иногда «протоскифской»..., кардинально изменившей культурно-историческую ситуацию в регионе» (Ванчугов 1993б: 46; также см.: Vančugov 2001: 49). Единичными экземплярами представлена керамика белозерского типа и в погребениях новочеркасской группы, только в двух из которых покойные ориентированы головой на юг (Ванчугов 1993б: 46). Кроме белозерского и центральноазиатского элементов, важную роль в формировании предскифской культуры сыграло влияние оседлых соседей: в восточной части Северного Причерноморья — преимущественно лесостепного населения Украины, в Северо-Западном Причерноморье — главным

образом, ранних фракийцев (Vanchugov 2001: 50). Вопреки приводившейся выше и поддерживавшейся В.П. Ванчуговым культурно-хронологической атрибуции Суворовского могильника, материалы которого использовались для выводов об активном участии белозерского компонента в формировании черноморовских древностей (см., напр.: Vanchugov 2001: 46-47), некоторые исследователи относят, по крайней мере, многие погребения могильника к белозерской культуре (Ойстрах 1989; она же 1991; Отрошенко 1989: 111; Бруяко 2005: 87, прим.75). Значит, надо полагать, в состав полиэтничного, по мнению В.П. Ванчугова, населения под общим названием «киммерийцы» (Vanchugov 2001: 52) должна была влиться и, по крайней мере, часть потомков носителей белозерской культуры (ср.: Бруяко 2005: 77-80, 86-89, 146-147).

В сферу научной деятельности В.П. Ванчугова входило и изучение культуры ранних фракийцев Карпато-Подунавья — западных соседей белозерцев. Это не только проблемы соответствующих взаимосвязей (см. выше). В конце 90-х гг. исследователь возглавил Нижнедунайскую археологическую экспедицию Одесского археологического музея НАН Украины, Института фракологии (г. Бухарест) и государственного университета г. Кишинева. На многослойном поселении Орловка II (Ренийский р-н Одесской обл.) в 1998-1999 гг. были исследованы, в частности, объекты эпохи раннего фракийского гальштата (Ванчугов и др. 1998: 63; 1999: 32; Vanchugov și col. 1999). Отдельная статья посвящена одному из комплексов этого времени (Ванчугов, Кюсак 2002). Этот памятник, объединенный с Камен-

ной горой под общим названием Картал, успешно исследуется по настоящее время под руководством И.В. Бруяко.

В.П. Ванчугов активно участвовал в работе многих научных конференций различного масштаба, выступал с научными докладами на заседаниях ученого совета Одесского археологического музея НАН Украины и т.д. О том, что ученый был известен не только в Украине, говорит, в частности, приведенная библиография.

В.П. Ванчугов 20 лет работал директором Одесского археологического музея НАН Украины. Он ушел из жизни (для многих неожиданно) в период творческого расцвета, в начале недели (понедельник, 23 апреля 2007 г.), непосредственно следовавшей за той, трудовую часть которой (до пятницы включительно) Владимир Петрович полностью проработал в музее. Причем проработал насыщенно, оказывая активное содействие работе делегации реставраторов из Египта и проведя заседание ученого совета Одесского археологического музея НАН Украины по результатам этой работы. Не могу не согласиться с В.Г. Котигорошко (отв. редактором «Карпатики», 36-й выпуск которой посвящен светлой памяти Владимира Петровича) в том, что, вопреки расхожим ритуальным фразам, ушедшего не будет с нами уже никогда (Памяти друга 2007: 293). Останется Владимир Петрович в памяти родных, близких, друзей, коллег, знакомых. Останутся в реальности результаты его научных исследований, публикации. Ибо научное наследие — это то, что принадлежит вечности.

Агульников С.М. 2002. Погребальные комплексы позднесабаиново-раннебелозерского времени в Пруто-Днестровском междуречье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V век н.э.). Мат. III Междунар. конф. Тирасполь.

Агульников С.М. 2004а. Компоненты культуры Ноа в белозерской погребальной обрядности // ССПК. IX. Запоріжжя.

Агульников С. 2004б. Формирование погребального обряда белозерской культуры в Северо-Западном Причерноморье // Thracians and Circumpontic World. IX International Congress of Thracology. Summaries. Chişinău.

Агульников С. 2005. Хронология и периодизация белозерских памятников Пруто-Днестровского междуречья // Revista Arheologică. Serie nouă. V.1. Nr.1. Chişinău.

Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. 1993. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб.

Березанская С.С. 1982. Северная Украина в эпоху бронзы. К.

Березанская С.С., Отрошенко В.В., Чередиенко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев.

Бруяко И.В. 2005. Ранние кочевники в Европе X — V вв. до Р.Х. Кишинев.

Ванчугов В.П. 1976. Памятники бронзового века в бассейне р.Кодыма // Археологические и археографические исследования на территории южной Украины. К. — Одесса.

Ванчугов В.П. 1977. Работы Балтского отряда Причерноморской экспедиции // АО 1976 года. М.

Ванчугов В.П. 1978а. Новая группа памятников эпохи поздней бронзы в междуречье Южного Буга и Днестра // Археологические исследования на Украине в 1976-1977 гг. Тез. докл. XVII конф. ИА АН УССР. Ужгород.

Ванчугов В.П. 1978б. Новые памятники эпохи поздней бронзы на берегах Григорьевского лимана // Археологические исследования в Северо-Западном Причерноморье. К.

Ванчугов В.П. 1978в. Работа Балтского отряда Причерноморской экспедиции // АО 1977 года. М.

Ванчугов В.П. 1979а. О соотношении памятников белозерско-тудоровского типа и фракийского гальштата в Днестро-Дунайском междуречье // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. конф. Донецк.

Ванчугов В.П. 1979б. Раскопки поселения у с.Зализничное // АО 1978 года. М.

Ванчугов В.П. 1981а. Поселение конца позднего бронзового века Ялпуг IV в Нижнем Подунавье // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Ванчугов В.П. 1981б. Раскопки поселения позднего бронзового века Балта в Южном Побужье // Древности Северо-Западного Причерноморья. К.

Ванчугов В.П. 1981в. Раскопки поселения поздней бронзы Ялпуг IV в Нижнем Подунавье // АО 1980 года. М.

Ванчугов В.П. 1982. О появлении корчаг в памятниках позднего бронзового века Северо-Западного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. К.

Ванчугов В.П. 1983. Балтская группа памятников эпохи поздней бронзы // Материалы по археологии Северного Причерноморья. К.

Ванчугов В.П. 1987а. Заключительный период бронзового века в Северо-Западном Причерноморье (белозерская культура). Автореф. дис ... канд. ист. наук. К.

Ванчугов В.П. 1987б. О связях Северо-Западного Причерноморья с Кавказом на рубеже эпох бронзы и железа // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Всесоюзного сем., посв. памяти А.И. Тереножкина. Ч.1. Кировоград.

Ванчугов В.П. 1987в. Памятники тудоровского типа в Северо-Западном Причерноморье. (К вопросу о белозерской культуре) // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. К.

Ванчугов В.П. 1989. Локальные варианты в белозерской культуре Северо-Западного Причерноморья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. обл. конф., посв. 90-летию со дня рожд. проф. Б.Н. Гракова. I. Запорожье.

Ванчугов В.П. 1990а. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблема формирования белозерской культуры. К.

- Ванчугов В.П. 1990б.** Роль днестровской речной магистрали в межплеменном обмене в эпоху бронзы // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. истор.-краев. конф. Ч.П. Белгород-Днестровский.
- Ванчугов В.П. 1992.** Нижнедунайский горизонт с прочерченной керамикой и белозерская культура // Северо-Западное Причерноморье: ритмы культурогенеза. Тез. докл. сем. Одесса.
- Ванчугов В.П. 1993а.** Керамика с прочерченным орнаментом из памятников поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Древности причерноморских степей. К.
- Ванчугов В.П. 1993б.** О древностях черногоровско-новочеркасского типа в Северо-Западном Причерноморье // Древнее Причерноморье. КСООА. Одесса.
- Ванчугов В.П. 1994.** Культурно-историчний процес в степовій Україні в кінці II - на початку I тис. до н.е. // Одесі — 200. ТДК. Ч.П. Одеса.
- Ванчугов В.П. 1995.** Культурно-исторические процессы в Приднестровье в конце II - начале I тыс. до н.э. // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. ТДК. Белгород-Днестровский.
- Ванчугов В.П. 1996.** О социальной структуре населения белозерской культуры (по материалам погребальных памятников) // Древнее Причерноморье. III чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского. Тез. докл. юбил. конф. Одесса.
- Ванчугов В.П. 1997.** Погребальный обряд белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья (опыт социальной реконструкции) // Археология и этнология Восточной Европы: материалы и исследования (сборник научных работ, посвященный 60-летию В.Н.Станко). Одесса.
- Ванчугов В.П. 1999а.** Культурно-економічні зв'язки населення Північно-Західного Причорномор'я з Карпато-Дунайським районом за доби пізньої бронзи — раннього заліза // Четвертий Міжнародний конгрес українців. Доповіді та повідомлення. Одеса.
- Ванчугов В.П. 1999б.** О погребениях сабатиновской культуры в Днестро-Дунайском междуречье // КСООА. Одесса.
- Ванчугов В.П. 2000.** Проблема погребального обряда сабатиновской культуры в Северо-Западном Причерноморье // Археология та етнологія Східної Європи. Матеріали та дослідження. Одеса.
- Ванчугов В.П. 2001.** Белозерские погребения курганного могильника Алкалия // Карпатика. Вип.13. Ужгород.
- Ванчугов В.П. 2004а.** Древнейшие фибулы Восточной Европы // Thracians and Circumpontic World. IX-th International Congress of Thracology. Summaries. Chişinău.
- Ванчугов В.П. 2004б.** Фибулы белозерской культуры // Карпатика. Давня історія Карпато-Дунайського ареалу та суміжних регіонів. Вип.31. Ужгород.
- Ванчугов В.П. 2007.** Древнейшие фибулы Северного Причерноморья // Человек в истории и культуре: Сборник научных работ в честь 70-летия лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук Владимира Никифоровича Станко. Одесса.
- Ванчугов В.П., Бруйко И.В., Сырбу В., Никулицэ И.Т. 1998.** Исследования на левобережье Нижнего Дуная // АБУ в 1997-1998 рр. К.
- Ванчугов В.П., Бруйко И.В., Сырбу В., Никулицэ И.Т. 1999.** Раскопки Нижнедунайской археологической экспедиции в 1997-1998 гг. // Охрана и исследования памятников археологии в Одесской области. Вып.1. Одесса.
- Ванчугов В.П., Загинайло А.Г., Кушнир В.Г., Петренко В.Г. 1991.** Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. К.

- Ванчугов В.П., Кюсак Д.В. 2002.** Ранньогальштатський комплекс 28 з прокресленим орнаментом з поселення Орловка II // Записки історичного факультету. Вип.12. Одеса.
- Ванчугов В.П., Кушнир В.Г. 1980.** Новые памятники эпохи бронзы и раннего железа в междуречье Южного Буга и Днестра // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. К.
- Ванчугов В.П., Петрунь В.Ф. 1997.** Каменные изделия эпохи бронзы из Никония (к вопросу о номенклатуре каменных пестов) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса.
- Ванчугов В.П., Раллев А.Б. 1999а.** Поселение поздней бронзы Вороновка II и его реконструкция // Проблемы теории и истории архитектуры Украины. Одесса.
- Ванчугов В.П., Раллев А.Б. 1999б.** Проблемы реконструкции поселения поздней бронзы Вороновка II // Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по ранне середньовіччя). Мат. міжнар. археолог. конф. Дніпропетровськ.
- Ванчугов В.П., Раллев А.Б. 2000.** Научно-графическая реконструкция планировки поселения поздней бронзы Вороновка II // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. Тирасполь.
- Ванчугов В.П., Раллев А.Б. 2005.** Воссоздание поселения поздней бронзы Вороновка II методом макетирования // Карпатика. Давнина і сучасність. Вип.33. Ужгород.
- Ванчугов В.П., Субботин Л.В. 1980.** Могильник белозерского времени в Северо-Западном Причерноморье // Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг. Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР. Днепропетровск.
- Ванчугов В.П., Субботин Л.В. 1989.** Васильевский курганный могильник белозерской культуры на левобережье Нижнего Подунавья // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. К.
- Ванчугов В.П., Субботин Л.В. 1993.** Богатые белозерские погребения могильника Алкалия // Древнее Причерноморье. КСООА. Одесса.
- Ванчугов В.П., Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. 1992.** Курганы Приморской части Днестро-Дунайского междуречья. К.
- Ванчугов В.П., Тошев Г.И., Черняков И.Т. 1985.** Землянки позднего бронзового века в Нижнем Подунавье // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. К.
- Ванчугов В.П., Черняков И.Т. 1984.** Северо-Западное Причерноморье на рубеже эпох бронзы и железа // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. К.
- Ванчугов В.П., Черняков И.Т. 1991.** Металлические наконечники стрел сабатиновской и белозерской культур // Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур. К.
- Гершкович Я.П. 1998.** Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье — Северо-Восточное Приазовье — Подонцовье) // Археологический альманах. №7. Донецк.
- Горбенко К.В. 2000.** Характер и структура архитектурных сооружений поселения эпохи финальной бронзы «Дикий Сад» // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк.
- Дзиговський О.М., Самойлова Т.Л., Смольянінова С.П., Ванчугов В.П. 2003.** Археологічні пам'ятки Тилігуло-Дністровського межиріччя. Одеса.
- Загинайло А.Г., Ванчугов В.П., Кушнир В.Г., Петренко В.Г. 1989а.** Итоги исследования поселения поздней бронзы Вороновка II // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тези доп. XX Респ. конф. К.

- Загинайло А.Г., Ванчугов В.П., Кушнир В.Г., Петренко В.Г. 1989б.** Охранные археологические исследования Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова и Одесского археологического музея АН УССР на Григорьевском лимане в 1983-1984 гг. // Воспитание историей. Тез. I-й обл. истор.-краев. науч.-практ. конф., посв. 200-летию г. Одессы. Одесса.
- Кушнир В.Г. 1994.** Хозяйственно-бытовые комплексы эпохи поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Древнее Причерноморье. КСООА. Одесса.
- Левицкий О.Г. 2002.** Раннегалльские общности и культура Белозерка в Северном Причерноморье — о диалоге миров // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь.
- Лесков А.М. 1967.** О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. К.
- Лесков А.М. 1970.** Кировское поселение // Древности Восточного Крыма. (Предскифский период и скифы). К.
- Ойстрах Т.И. 1989.** «Предскифские» погребения Суворовского могильника // История и археология Нижнего Подунавья (чтения памяти профессора А.И. Доватура). Рени.
- Ойстрах Т.И. 1991.** О датировке Суворовского курганного могильника // Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур. Киев.
- Отрощенко В.В. 1985.** Белозерская культура // Археология Украинской ССР. Т.1. К.
- Отрощенко В.В. 1989.** Особенности погребений черногоровской группы // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. обл. конф., посв. 90-летию со дня рожд. проф. Б.Н. Гракова. I. Запорожье.
- Отрощенко В.В. 2001.** Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). К.
- Памяти друга. 2007** // Карпатика. Вип.36. Ужгород.
- Смиленко А.Т. 1983.** Раскопки поселения Суворово I // АО 1981 года. М.
- Чередниченко Н.Н. 1979.** О некоторых проблемах срубной культуры // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. ТДК. Донецк.
- Черниенко Ю.А. 1989.** Об эволюции строительного дела и изменениях в образе жизни населения нашего края в позднем бронзовом веке // Воспитание историей. Тез. I-й обл. истор.-краев. науч.-практ. конф., посв. 200-летию г. Одессы. Одесса.
- Черниенко Ю.А. 1993.** Строительное дело населения белозерской культуры: традиции и инновации // Древности причерноморских степей. К.
- Черняков И.Т. 1975.** Племена Северо-Западного Причерноморья в позднем бронзовом веке (2-я половина II тыс. до н.э.) Автореф. дис ... канд. ист. наук. К.
- Черняков И.Т. 1985.** Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э. К.
- Черняков И.Т., Ванчугов В.П., Кушнир В.Г. 1986.** Древнейшие бронзовые наконечники стрел Северного Причерноморья // СА. №2.
- Шарафутдинова Э.С. 1980.** Памятники предскифского времени на Нижнем Дону. (Кобяковская культура) // САИ. Вып. VI-II. Л.
- Шарафутдинова Э.С. 1981.** Традиции и инновации в культурах поздней бронзы и раннего железа на юге Восточной Европы // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Материалы методсеминара. Л.
- Levički O.G. 1994.** Grupul Holerkani-Hanska. Aspectul Pruto-Nistrean al complexului hallstati-ana timpurie cu ceramică incizată // Relations thraco-illyro-helléniques. Actes du XIVe Symposium National de thracologie. Bucarest.

- Vanchugov V.P. 1994.** Issues of the origin of the Belozerka culture of the late bronze age in North-Western Black Sea Region // Tracia-Pontica. 6. 1. Sozopol.
- Vančugov V.P. 1996.** Das Ende der Bronzezeit im Nördlichen Schwarzmeergebiet // Eurasia Antiqua. B.2. Berlin.
- Vanchugov V.P. 2001.** The demographic situation in North-Western Part of the Black Sea region in the 9-th - 7-th centuries B.C. // North-Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies. Colloquia Pontica. V.6. Leiden.
- Vančugov V.P., Niculiță I.T., Sîrbu V., Cojocaru V. 1999.** Cercetările arheologice de salvare de la Orlovka – Cartal (Ukraina). Campania 1998 // Cercetări arheologice în aria Nord-Tracă. T.III. București.
- Vančugov V.P., Subotin L.V. 2000.** Noi complexe ale culturii Belozerka în zone diutre Nistru și Dunăre // Thraco-Dacica. T.XXI. București.

SUMMARY

Vladimir Petrovich Vanchugov (1948 – 2007) is a known researcher of the late Bronze Age of the Northern Pontic area. The Belozerka culture in North-Western Pontic area was the main object of his studies. V.P. Vanchugov defended the thesis for a candidate's degree (Ванчугов 1987a), published monograph (Ванчугов 1990a) and many other scientific articles on this theme, excavated some settlements of the late Bronze Age in the North-Western Pontic area. The cogent substantiation of apportionment of the independent Belozerka culture was very important (Ванчугов, Черняков 1984: 16-17). Some works were dedicated to Sabatinovka culture. V.P. Vanchugov took an active part in the investigation of the settlement Voronovka II. He and coauthors dedicated some works to the results of those researches among which the collective monograph (Ванчугов и др. 1991) was especially important for the Bronze Age archaeology. Some little theses were dedicated to the culture-historical processes in the late Bronze Age in the steps of Ukraine as a whole (Ванчугов 1994) and in the Prenistrean region as a part (Ванчугов 1995: 17-18). V.P. Vanchugov as an important aspect of the Cimmerian problem considered the fortune of the Belozerka culture. The western neighbors of the Belozerka population (the early Thracians) were also in the sphere of his scientific activity. V.P. Vanchugov took an active part in the scientific conferences of different levels. The name of this scientist is known not only in Ukraine. Vladimir Petrovich died on the 23rd of April 2007 in the period of his creative prosperity.

